

эти особенности перечислены акад. А. С. Орловым,³ но им же и многими другими исследователями отмечена, с одной стороны, близость повести к русскому сказочному фольклору, а с другой — своеобразный «рыцарский» характер рассказа. Нельзя ли попытаться как-то объяснить такой сложный и порою взаимоисключающий характер этого списка?

При решении этого вопроса надо исходить из того, что подьячий Иван Яковлев был не только владельцем, но и составителем данного сборника. Это он «своима руками» переписал в сборник повести о Бове, Еруслане, Басарге, Акире Премудром и другие занимательные повести, подтвердив тем самым еще раз тяготение демократических приказных слоев к развлекательному чтению. Поэтому правильнее было бы называть этот сборник не Истоминским, не по имени его более позднего владельца, а Яковлевским — по имени его составителя. Видимо, по роду своей службы (Разбойный приказ ведал уголовным судопроизводством — убийствами, разбоями, кражами — на всей территории Русского государства, кроме столицы — Москвы) И. Яковлев мог быть связан и с определенными кругами, близкими к восточным делам, знал специфическую восточную терминологию; отсюда в этом списке «кутас», «саадак», «тегилай», «тебеньки», — термины, известные русскому языку, но в других списках Повести о Еруслане не встречающиеся.

И фольклорные русские элементы, и мотивы рыцарства в этом списке также могут быть объяснены личностью составителя сборника. Известно, как много образованных и даровитых людей выдвинула в XVII в. приказная среда. Подьячие были авторами исторических и публицистических трудов, нередко обладали литературным талантом.⁴ И. Яковлев был, конечно, знаком с устным народным творчеством — недаром в его сборнике так много повестей, основанных на устной сказке и легенде; характерны для этого сборника и повести рыцарского характера. Видимо, подобное несколько механическое соединение в одном списке таких разнородных компонентов, как восточные мотивы, рыцарские элементы и элементы русского сказочного эпоса, является индивидуальной особенностью вкуса составителя сборника.

Список Унд. 930 представляет собой литературную обработку (или копию с нее) такого устного сказания, в котором отдельные его элементы не слились еще в единое целое. Доказательством этому, помимо механического соединения различных лексических особенностей, служит и композиция повести. Например, Еруслан освобождает город от осады еще до того, как он совершил свой первый подвиг (бой с князем Иваном); образ Индийского царя, у которого был могучий сторож Ивашка Белая епанча, в данном списке объединен с образом царя Вахрамея; отсюда явная нелогичность: у царя есть такой богатырь, что «кто его увидит, тот не может жив быть», а царь страдает от притеснения чудовища о трех главах и даже собирается отдать ему свою единственную дочь; девиц в шатре Еруслан встречает только двух, а не трех, как в других списках; побитых ратей он встречает две, а не три, и т. д. Список этот далеко уже ушел от простой народной сказки: это — сложное литературное произведение с самостоятельной идейной оценкой образов, сложной фабулой, стремлением к психологической мотивировке событий. Этот список стоит особняком среди всех других рукописных вариантов повести; он не имеет продолжения в рукописной, лубочной и устной традиции; такое своеобразие

³ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII веков. М., 1934, стр. 78—79.

⁴ Н. В. Устюгов. Центральное управление. Приказы. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, стр. 381.